

«ИМЕТЬ ОСОБЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ»

Генерал-прокурор
Алексей Алексеевич
ДОЛГОРУКОВ

НА ВОЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Князь Алексей Алексеевич Долгоруков родился 14 мая 1767 г. в знатной дворянской семье. В девятилетнем возрасте он был записан на службу в артиллерию, а затем переведен в гвардию. Только через пятнадцать лет он получает чин прапорщика. Когда же Долгорукову исполнилось 28 лет, его перевели в армейский полк, где он получил чин премьер-майора. Служил молодой князь довольно прилежно, был исполнительный и аккуратный офицер и вскоре был произведен в подполковники. Вслед за этим ему «пожаловали» орден Св. Анны 3-й степени и почти сразу же — командорский орден Св. Иоанна Иерусалимского. В 1796 г. Долгоруков получает чин полковника.

Прослужив еще несколько лет, Долгоруков в 1803 г. оставляет военную службу, не принеся ему особых лавров, и переходит на гражданскую. При отставке он стал действительным статским советником. Первые его шаги на новом поприще нельзя назвать блестящими. Вначале он занимал довольно скромную должность при департаменте герольдии, а затем стал прокурором в капитуле ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

Постепенное возвышение Долгорукова началось только в 1808 г., когда он стал Симбирским гражданским губернатором. Дел у губернатора оказалось очень много, приходилось работать довольно напряженно, проявлять энергию и находчивость. Симбирская губерния всегда славилась своими торговыми делами, и новый губернатор весьма в них преуспел.

Неудачная борьба России с Наполеоном, закончившаяся заключением неустойчивого мира, война за овладение Финляндией создали очень напряженное положение в империи с продовольствием, особенно с хлебом, и промышленными товарами. В этих условиях от губернаторов требовалась особая сметливость. Долгоруков проявил дальновидность, сумел очень выгодно для казны закупить хлеб и доставить его по воде в обе столицы — Петербург и Москву.

Для того, чтобы полнее удовлетворить потребности армии в сукне, губернатор наладил у себя работу нескольких суконных фабрик, которые давали хорошую прибыль. Император Александр I по достоинству оценил хозяйственную инициативу князя Долгорукова, наградив его в 1810 г. орденом Св. Анны 1-й степени. На следующий год, 17 сентября, в Высочайшем рескрипте он «изъявил» ему монаршью признательность.

В отечественную войну 1812 г. Долгоруков сформировал в Симбирской губернии народное ополчение, которым и командовал до выступления его в поход. После этого он не менее успешно занимался закупкой лошадей для кавалерии и артиллерии.

Вид Новодевичьего монастыря
(литография начала XIX в.)

В мае 1817 г. князь Долгоруков переводится в Москву и заступает на должность гражданского губернатора. Однако здесь он оставался недолго. Уже в следующем году, получив чин тайного советника, он становится сенатором. В этом звании Долгоруков выполняет целый ряд важных поручений императора Александра I, за что и удостоивается новых наград. В частности, за «успешную службу по Высочайше учрежденному комитету для рассмотрения и уравнивания доходов московской градской думы» он награждается орденом Св. Владимира 2-й степени.

В 1824 г. вместе с сенатором Дурасовым он ревизует Вятскую губернию. В 1826 г. занимается «изысканием причин побегов помещичьих крестьян» в Воронежской, Пензенской и Симбирской губерниях, а заодно проверяет здесь и эффективность управления губерниями.

Вслед за этим он ревизует Курскую губернию. Усердие, с которым Долгоруков выполнял порученную ему работу, было вознаграждено императором алмазным знаком ордена Св. Анны 1-й степени и орденом Св. Александра Невского.

УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВОМ ЮСТИЦИИ

27 апреля 1827 г. князь Долгоруков был назначен товарищем министра юстиции. Необходимо заметить, что после разгрома восстания декабристов, многие министры и их товарищи в демократически настроенных кругах особой популярностью не пользовались. Об этом свидетельствует хотя бы такой случай.

Управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии М.Я. фон-Фок в июле 1827 г. в секретной записке на имя Бенкендорфа писал: «По городу ходят стихи, которые приписывают Пушкину, и которые все твердят наизусть. Вот они в том виде, в каком их мне повторяли:

Россия, в оба ты гляди!
Министрам товарищи даны.
Но от Дашки, от Блуда
И от Рюрикова уда
Чего ты можешь ожидать!»

На этой записке к слову «Рюрикова», подчеркнутому карандашом, Бенкендорф сделал пояснение: «Долгоруков», имея в виду недавно назначенного товарищем министра юстиции князя А.А. Долгорукова. Под «Дашкой» и «Блудом» автор стиха подразумевал Д.В. Дашкова и Д.Н. Блудова, бывших тогда первый — товарищем министра внутренних дел, а другой — товарищем министра народного просвещения (впоследствии оба стали министрами юстиции). Эти стихи, по мнению Б.Л. Модзалевского, Пушкину не принадлежали, а были написаны неизвестным автором.

18 октября 1827 г. Долгоруков стал министром юстиции и генерал-прокурором. Эту должность он занимал почти два года. Это было время, когда по указанию Николая I М.М. Сперанский, проявляя необыкновенную энергию и распорядительность, заканчивал свою грандиозную работу по составлению Полного собрания законов Российской империи и систематического свода законов. Печатание много-томного издания Российских законов началось в 1828 г. Полное собрание законов открывалось Уложением царя Алек-

сея Михайловича и было доведено до времени вступления на престол Николая I, то есть охватило 200 лет. Систематический Свод законов состоял из 15 томов и заключал в себе 42 тысячи статей.

На министра юстиции была возложена обязанность тщательного просмотра всего Свода с целью удостоверения в полноте и точности приведенных в нем законодательных актов. Для этой трудоемкой работы был создан специальный комитет под председательством князя Долгорукова. В него вошли также два сенатора, обер-прокурор, директор департамента, юрисконсульт и обер-секретарь. Эта кропот-

Император Николай I, великий князь Михаил Павлович, цесаревич Александр Николаевич, князь П.М. Волконский, граф А.Х. Бенкендорф

ливая и требующая особенной тщательности работа была выполнена менее чем за год.

Вследствии кратковременности пребывания Долгорукова министром юстиции, сколько-нибудь значительных изменений в деятельности министерства и канцелярии Правительствующего сената, которой он руководил как генерал-прокурор, не произошло. Одно из наиболее существенных новшеств, введенных при Долгорукове, — это утверждение специального Положения о функциях товарища министра юстиции. Оно было подписано лично императором. В дополнение к законодательным нормам были установлены права и обязанности товарища министра по делам, производимым в Правительствующем сенате, по делам, поступающим от министра юстиции на Высочайшее усмотрение, в Государственный совет или в Комитет министров, а также по делам губернского судебного управления. Этим Положением товарищ министра имел некоторые особенные права. Например, в случае разногласий его с министром юстиции по предложениям, вносимым в Правительствующий сенат, по докладам Государю или представлениям в Государственный совет и Комитет министров, наряду с заключением министра юстиции излагалось также и мнение товарища министра.

По предложению Долгорукова император подписал именной указ о производстве в Сенате дел, которые не получили в общем собрании окончательного решения вследствие разногласия сенаторов. Было установлено, чтобы сенаторы, высказывающие особое мнение, обязательно обозначали и законы, обосновывавшие их предложения.

В июле 1828 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета министру юстиции было вменено в обязанность «иметь особенное наблюдение» за тем, чтобы Сенат, рассмотрев жалобу на приговор суда и найдя ее обоснованной, выносил определение как о мере «вознаграждения понесшего невинное наказание», так и о мере «взыскания с лиц, постановивших неправильные решения».

В декабре того же года министр юстиции разработал инструкцию о служебных обязанностях обер-секретарей Сената. Кроме того, уточнен был регламент и время заседаний Правительствующего сената.

Большое внимание Долгоруков уделял обер-прокурорскому надзору за Сенатом. Он стремился подобрать на эти должности людей самостоятельных, энергичных. Такой неординарной личностью был Степан Петрович Жихарев. Он родился в 1788 г. в старинной патриархальной дворян-

С.П. Жихарев

ской семье. Учился в Москве, в частном пансионе француза Луи Ронка. Затем стал полупансионером в Московском университетском благородном пансионе, где в 1804 г. сдал экзамены и получил право посещать лекции в университете. Службу начал в Петербурге, в Коллегии иностранных дел актуариусом. Затем он переводчик, секретарь, а с 1812 г. — в канцелярии П.С. Молчанова, статс-секретаря императора. Одно время находился в свите Александра I. В 1818 г. Жихарев вышел в отставку, а спустя еще пять лет был назначен Московским губернским прокурором и прослужил в этой должности четыре года, получив чин действительного статского советника. В 1827 г. он стал обер-прокурором 8-го департамента Правительствующего сената. В первые годы царствования Николая I, видя произвол и бессмысленные преследования вольнолюбивых профессоров Московского университета, с многими из которых он был знаком, Жихарев с болью пишет В.А. Жуковскому о том, что «с радостью оставит свое обер-прокурорство» и готов стать попечителем университета. Но

это желание не осуществилось. Оставаясь обер-прокурором, он получил чин тайного советника, а вскоре после этого был назначен сенатором.

Жихарев был хорошо знаком со многими прогрессивными деятелями России, писателями, поэтами: А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Г.Р. Державиным, Д.В. Дашковым, Д.Н. Блудовым и другими. Он был активным членом общества «Арзамас» и имел там прозвище «Громобой». Мемуарист Ф.Ф. Вигель писал, что Жихарев «с большим умом, с большими способностями, в кругу образованных людей он никогда не мог отстать от них». В то же время он «любил погулять, поесть, попить и сам потчевать. Это заставило его войти в долги и прибегать к разным изворотам, строгою совестью не совсем одобряемым».

В последние годы жизни, по сведениям современников, Жихарев не брезговал и взятками, за что и поплатился должностью сенатора. Он оставил интересные «Записки современника», впервые опубликованные в 1853 г. в журнале «Московитянин».

Было много талантливых чиновников и в самом министерстве юстиции. Директором департамента в это время служил действительный статский советник Елисей Степанович Люминарский, главным директором межевой канцелярии — сенатор, действительный тайный советник Богдан Андреевич Гермес, директором общей канцелярии — Василий Андреевич Солоницын.

Поскольку генерал-прокурору подчинялись, хотя временами и формально, также и обер-прокуроры Святейшего синода, необходимо сказать несколько слов и о них. С момента образования министерств, их сменилось несколько человек. 9 января 1803 г. на эту должность был назначен Александр Алексеевич Яковлев, человек энергичный, решительный и властолюбивый. В то время синодальная прокуратура влачила незавидное существование: с одной стороны подминал под себя генерал-прокурор, с другой — члены Святейшего синода. С таким положением он мириться не хотел. Начал смело выявлять злоупотребления, в частности, обнаружил их в синодальной типографии. После этого он добился права самостоятельно докладывать Государю о различных нарушениях духовного ведомства. Члены Святейшего синода усмотрели в этом стремление Яковлева расширить свои права. Начались столкновения, окончившиеся отставкой Яковлева в октябре 1803 г..

После него обер-прокурором стал князь Александр Николаевич Голицын, «царский наперсник», как называли его современники, вследствие того, что он был близким другом детства императора. Одновременно он носил и звание статс-секретаря. К своим обязанностям Голицын относился добросовестно, и члены Синода скоро почувствовали сильное влияние прокурора на самые различные стороны церковного управления. Он, например, вменил в обязанность епархиальным преосвященным немедленно сообщать прокурорской власти обо всех происшествиях, случавшихся в различных церквях и епархиях. Должность обер-прокурора Синода Голицын удерживал 14 лет.

24 ноября 1817 г. обер-прокурором Святейшего синода был назначен князь Петр Сергеевич Мещерский. В 1828 г., при Долгорукове, он сумел выйти из-под непосредственного влияния генерал-прокурора и получил право лично докла-

А.А. Яковлев

А.Н. Голицын

дывать все дела по Синоду императору. Свою должность он занимал до 1833 г., когда был заменен действительным статским советником Степаном Дмитриевичем Нечаевым, а того сменил в 1836 г. граф Николай Александрович Протасов, удерживавший этот пост до своей смерти в 1855 г. После него обер-прокурором Святейшего синода стал тайный советник Карасевский.

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Князю Долгорукову, как впрочем и другим генерал-прокурорам, постоянно приходилось отстаивать независимость местных прокуроров и стряпчих от произвола губернского начальства. Для этого иногда ему случалось опираться на авторитет Правительствующего сената. В 1828 г. произошел такой случай. Олонецкий губернатор, ссылаясь на указ Сената от 12 июля 1813 г., которым предпи-

сывалось представлять в Герольдию послужные списки на чиновников, посчитал себя вправе составить аттестацию на губернского прокурора. Прокурор сообщил об этом Долгорукову. Тот стал категорически протестовать, считая это вмешательством в дела прокуратуры, и даже вынес рассмотрение вопроса на очередное заседание Правительствующего сената. В обоснование своего возражения, он ссылаясь на Высочайше утвержденное 1 февраля 1819 г. положение Комитета министров. В нем, между прочим, отмечалось: «Полезность службы требует, дабы прокурор, как блюститель за точным исполнением законов, и как чиновник, ни в чем губернатору неподчиненный, никогда с ним в тесной дружественной связи не был, ибо в сем последнем случае Верховное Правительство ни чрез кого уже по обязанности ни в каких беспорядках в губернии и узнавать не будет иметь способа».

28 сентября 1828 г. Правительствующий сенат рассмотрел этот вопрос и полностью поддержал генерал-прокурора Долгорукова. В сенатском указе, направленном всем министрам, начальникам губерний, в Святейший синод и департаменты самого Сената, отмечалось, что «губернские прокуроры, на основании узаконений, везде смотрят и бдение имеют, дабы в губерниях ничего противного закону и общей пользе не происходило, а в случае их упущений или преступления должности, они подвергаются ответственности пред министром юстиции, или суждению Правительствующего сената».

Сенат полагал, что губернские прокурор и стряпчий не могут находиться в зависимости от губернского начальства, так как «в случае каких-либо по делам службы несогласий его с начальниками губерний, или в случае представления начальству о неправильном действии губернатора, может навлечь к себе со стороны его нерасположение, а следовательно, если бы аттестация таковых чиновников зависела от губернатора, они могли бы, при всей похвальной своей службе, лишиться справедливого по оной удостоения».

Сенат определил, чтобы губернаторы, направляя в Герольдию послужные списки на чиновников, «не предоставляли себе права аттестовать между ними токмо губернских прокуроров и стряпчих, как таких чиновников, заслуги и отличия коих зависят от одобрения министерства юстиции, которому они непосредственно подчинены по службе». Что же касается уездных стряпчих, то аттестации на них в Герольдию губернаторы обязаны были представлять не иначе

как после «засвидетельствования» их губернскими прокурорами. На защиту прав губернских и уездных прокуроров и стряпчих был направлен и сенатский указ от 12 ноября 1828 г., вынесенный по инициативе министра юстиции Долгорукова. Дело заключалось в следующем. Еще в декабре 1809 г., по предложению министра юстиции П.В. Лопухина, на места было направлено предписание о том, чтобы присутственные места и их руководители немедленно представляли прокурорам для просмотра журналы со своими решениями и определениями. В 1823 г. Сенат установил, что «просмотр» журнала не должен превышать трех дней. Несмотря на это, указ повсюду нарушался, и губернские прокуроры доносили министру юстиции о том, что некоторые присутственные места не направляют к ним на просмотр ни журналов, ни определений. Иногда же представляют такие журналы и определения уже после того, как решение исполнено, чем лишали их возможности «сделать справедливое, в случае надобности, замечание».

Выступая в Правительствующем сенате, Долгоруков обратил внимание на то, что «когда бы присутственные места своевременно выслушивали замечание прокуроров и, при уважительности оных, исправляли свои заключения в одних случаях до объявления и исполнения журналов, а в других — до подписания определений, тогда бы Правительство видело достижение цели, с каковою возложена на прокуроров обязанность предлагать свои присутственным местам заключения, ибо чрез сие средство высшее начальство избавилось бы во многих случаях от рассмотрения прокурорских протестов и от исправления заключений присутственных мест, в случае правильных прокурорских замечаний».

Долгоруков просил Правительствующий сенат подтвердить предписание губернским правлениям и другим присутственным местам, «дабы журналы и протоколы своевременно и прежде исполнения доставлялись на просмотр к губернским прокурорам». Правительствующий сенат с этим согласился. Он направил на места соответствующий указ.

9 ноября 1828 г. по докладу обер-прокурора Сената Журавлева общее собрание рассмотрело вопрос о том, в каком порядке губернские прокуроры должны представлять в Сенат поступающие к ним просьбы и жалобы содержащихся под стражей подсудимых. Вопрос этот поднял Курский губернский прокурор, который, направив в 5-й департамент Сената прошение от содержащегося «под присмотром кол-

лежского советника Льва Звягина, «прикосновенного к делу» об убийстве дворянки девицы Алтуховой, спрашивал, надо ли в последующем отсылать подобные жалобы «при рапорте прокурора, или с надписью только на пакете, что оные прошения отданы на почту посредством прокурора».

По этому вопросу Правительствующий сенат определил: «Как губернские прокуроры в непосредственном сношении с Правительствующим сенатом не состоят, а случиться может, что просьбы или жалобы содержащихся подсудимых, подлежащих к отправлению в Правительствующий сенат, то в сокращении переписки дозволить губернским прокурорам таковые просьбы и жалобы вносить в оный при рапортах, а в присутственные места тех губерний, где губернский прокурор находится, равно как и таковые же места других губерний и разным начальствующим лицам, отсылать при обыкновенных отношениях им предоставляемых, сообразно указу от 31 декабря 1827 г.».

В 1828 г. Правительствующий сенат по предложению министра юстиции рассмотрел вопрос о сроках подачи апелляционных жалоб людьми, «отыскивающими свободы», то есть пытающимися освободиться от крепостной зависимости. Эта проблема оказалась весьма актуальной из-за того, что владельцы крестьян всячески затрудняли последним подачу жалоб на решения по этим вопросам, сроки проходили, и люди ничего не могли добиться. Поэтому Сенат принял решение, что общие сроки на подачу апелляций должны начинаться только с того времени, когда «дело представится собственному самим их истцов попечению и произволу, то есть со дня объявления им чрез местных начальников о подаче стряпчим или губернским прокурором отзыва на решение судебных мест».

Для того, чтобы под каким-либо предлогом не произошло «произвольной медлительности и ищущие свободы имели более средств к изменению прав их», Сенат обязал нижние и средние инстанции, в производстве которых находились такие дела, в день вынесения решения или «по крайней мере на другой день», копию с него направлять стряпчему или прокурору. Последние в течение недели или двух непременно обязаны были дать свой отзыв о том, «довольны или недовольны» они вынесенным решением. Департаменты Правительствующего сената, когда к ним поступали такие дела, «при ревизии» рассматривали и поступок прокурора и стряпчего, «объявившего на решения губернских

мест удовольствия», или не сделавшие никакого отзыва в положенный срок.

Кроме того, Сенат установил, что «какого бы существа отзыв ни был, равно если бы стряпчий или прокурор и никакого в срок не дали, решавшие дело инстанции обязаны о том известить самого ищущего свободы непременно в течение месяца, считая со дня окончания данного стряпчему или прокурору двухнедельного срока, под собственною в противном случае ответственностию перед высшей инстанцией, у которой она состоит под ревизией, и в то же время распорядиться в объявлении решения, как ищущему свободы, так и владельцу его, по существующим уже на сие в законах правилам».

Самому лицу, «ищущему свободы», Сенат предоставлял «на волю принести апелляцию в узаконенный годовой срок и в таком случае, когда бы стряпчий или прокурор изъявили за него на решение неудовольствие, сколько на случай можущей быть пристрастки со стороны последних, столько же и в том предположении, что сам истец иногда может раскрыть такие в правости своей обстоятельства, кои не содержатся в самом производстве, и не быв известны ходатаям за него с казенной стороны, не могли быть ими на вид поставлены».

20 сентября 1829 г. князь А.А. Долгоруков был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора. Вскоре после этого он был назначен членом Государственного совета. При увольнении он получил чин действительного тайного советника.

В период, когда Долгоруков был в Государственном совете, на общем собрании этого высшего консультационного органа при императоре было рассмотрено много важных вопросов. Среди них следующие: о проекте указа об ограничении раздробления недвижимого имущества (1830 г.); о настоящем положении армии и «об убыли в оной людей в мирное время»; о разрешении к выпуску билетов Государственного казначейства на 30 млн. рублей (1831 г.); о воспитании детей лиц высших сословий в России, а не за границей; о точном определении меры облегчения для осужденных, при испрошении ими монаршего снисхождения (1832 г.); о возвышении доходов и уменьшении расходов по государству; о Своде законов Российской империи (1833 г.) о мерах по отвращению переселения российских подданных за границу; о жестоком обращении вдовы генерал-майора Евгении Твороговой со своей дочерью Евгенией (1834 г.) и некоторые другие. Как видим, тематика заседаний была са-

мая разнообразная. Некоторые собрания, в частности, когда на них присутствовал император, назывались чрезвычайными.

Весьма насыщенной и разнообразной была и повестка заседаний департаментов Государственного совета: рассмотрение законов, духовных и гражданских дел, вопросов экономики и других.

Князь А.А. Долгоруков женат был дважды. От первого брака, с Марьей Ивановной, урожденной Апайщиковой, он имел четырех сыновей: Ростислава, Юрия, достигшего чина тайного советника, бывшего сенатором, а затем Олонецким и Воронежским губернатором, Сергея, ставшего статс-секретарем императора, и Григория. От второй жены, Варвары Николаевны, урожденной Текутьевой, у него родились три сына: Алексей, Николай, бывший гофмейстером Двора Его Императорского Величества, и Дмитрий.

Скончался Алексей Алексеевич Долгоруков 11 августа 1834 года.